М е т а к р и т и к а

Метакритика: к возрождению рубрики

DOI: 10.31425/0042-8795-2018-4-90-110

Игорь Олегович Шайтанов

доктор филологических наук

Российский государственный гуманитарный университет

Российская Академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации

(125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6, корп. 1;

email: voplit@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена разностороннему освещению проблем современной литературной критики, ее жанровому и стилистическому диапазону. Поскольку при сегодняшнем сближении жанров, их пограничном сосуществовании и взаимодействии критика либо существует на пересечении жанров, либо уходит в обзоры и «рекомендательные списки», возникает необходимость обсудить итоги и перспективы критических 2000–2010-х и выработать новый взгляд на текущую критику, что и предлагается сделать в рубрике «Вопросов литературы» «Метакритика», которую открывает эта статья.

Ключевые слова: современная литературная критика, метакритика, литературные премии, полемика, манифест.

Статья поступила 02.03.2018.

Раньше такого рода рубрика называлась бы (и какое-то время называлась в «Вопросах литературы») «Критика критики». В соответствии с современным терминопотреблением пусть она будет — *метакритикой*. Однажды под этим названием появился в журнале блок материалов (2017, № 3), а теперь продолжение последует в качестве одной из рубрик.

Ощущается ли различие в смысловом наполнении терминов? «Мета» претендует на большую глубину, на проникновение в сами механизмы этого рода литературной деятельности и ее жанры. Хорошая претензия. Новая ли? Серьезный разговор о критике, наверное, всегда должен был бы соответствовать этой претензии, даже когда дежурно и безрадостно обсуждали вечное «отставание» критики от общего хода литературы.

Критика издавна служила мальчиком (или девочкой) для битья, подозреваемая в том, что предоставляет лазейку в литературу для неудачников и бездарей (и это, конечно, не редкость, но разве только в критике?), которые отыгрываются на более одаренных коллегах, выступая в роли зоилов, а то и чего-нибудь похуже. Вспоминаю, как в советские времена на каком-то писательском съезде в зал, где собрались критики обсудить свои цеховые дела, как буря, ворвалась Мариэтта Шагинян, остановить которую представлялось невозможным и из уважения к ее мафусаилову возрасту, и по причине отсутствия у нее слуха («искусственное ухо рабочих и крестьян»), и, сменя с трибуны оратора, заявила, что пришла сообщить свое мнение о критике: мол, критик совсем необязательно доносчик и чаще даже совсем нет. Смех в зале, аплодисменты.

Проницательность, вероятно, — самое общее и главное достоинство, предполагаемое в критике. Она синтезирует и образованность, и вкус, и ум... Образованность сама по себе слишком легко обернется педантизмом. Вкус — вкусовщиной, ум — той рациональностью суждения, о которой когда-то, при начале русского структурализма, шутили, что «в Тарту все могут проанализировать, но ничего не понимают».

У проницательности есть еще одна сопутствующая и опасная составляющая — *осведомленность*. С одной сторо-

ны, она дает критику право суждения в непосредственном приближении к творческому делу, к его жизненным обстоятельствам, а с другой — саму критику опускает, превращая из факта литературного в *факт бытовой*, что чревато подменой — пронизательность в отношении текста замещается «инсайдерским» (невольно прибегаю к чужому слову) знанием на грани сплетни. Сплетни критика ретранслирует, а то и порождает, сегодня, быть может, обильнее, чем когда-либо. Тому есть целый ряд причин — как самого общего порядка: скажем, свобода слова, понимаемая как право сказать все, что в голову взбредет и не нести за это никакой ответственности, ни юридической, ни нравственной, — так и относящихся к обстоятельствам, в которых существует сама литература. Фейсбучное пространство, где присутствуют многие литераторы, дает искомое чувство непосредственно безотлагательного общения и невероятной ранее осведомленности. К этим обстоятельствам можно отнести и еще одно пространство — *премиальное*.

Премия — это игра, а не раздача слонов. Как будто это понятно, но все равно — раздача происходит, репутации, по крайней мере рекламные, зависят от премий, получение которых перечисляется на книжных обложках. А премиальное пространство по определению — закрытый мир, где идет обсуждение, формируются оценки и мнения. Как же лестно проникнуть в потаенное, заглянуть хоть одним глазком, а если заглянуть нет никакой возможности, то — что-то услышать, подслушать, додумать или уж просто придумать!

Последние два десятка лет изнутри этого пространства я имею возможность наблюдать деятельность критики. «Русский Букер» — самая престижная литературная премия в России... Нет, не все с этим согласятся (хотя согласятся многие), поскольку вкусы и позиции разнятся. Однако на чем я настаиваю: «Русский Букер» — самая независимая, поскольку *ни-от-кого-не-зависимая* литературная премия. Разумеется, она выражает частное мнение каждый год сменяемого жюри из пяти человек. Но все это не отменяет подозрений, предположений, слухов и прямых сплетен.

Мне уже приходилось рассказывать о том, насколько неожиданным был для меня первый опыт пребывания в

премиальном пространстве. Случилось это в 1997 году, когда я был приглашен в качестве председателя букеровского жюри. Престиж литературных событий тогда был несопоставимо более высоким, чем сегодня, а сами события — заметным информационным поводом. Первые же решения жюри вызвали неудовольствие быстрой газетной критики, а ее суждения поразили сначала своим несоответствием фактам (люди, шестой год освещающие ход премии и даже более увлеченно рассказывавшие о процедуре, чем о книгах, все никак не могли понять и внятно изложить, какими были правила, за что и кем присуждалась премия), а вскоре оскорбительностью своих подозрений. Я, встретив как-то Льва Аннинского, за пару лет до этого выступившего в той же роли председателя букеровского жюри, посетовал на происходящее. Вместо сочувствия услышал вопрос: «А о том, что вы взятки берете, писали?.. Напишут, обо мне писали».

За прошедшие годы моего пребывания уже в роли литературного секретаря премии про взятки мне читать не приходилось, но подозрения постоянны в том, что я каким-то образом что-то подтасовываю, кого-то обманываю и ловко (даже порой лестно читать о своей ловкости) жульничаю. Вот, казалось бы, довольно спокойный процесс прошедшего 2017 года. Неожиданный выбор жюри? Удивитесь неожиданности, смиритесь с тем, что вы опять предсказали неверно, прочитайте роман Александры Николаенко «Убить Бобрыкина» и оцените, почему у жюри (пусть не единогласно) и у целого ряда экспертов он получил столь высокую оценку. Задумайтесь о литературе... Иногда эта мысль приходит в критическую голову, но не прорывается сквозь стену затверженного, слабеющего с годами, но все еще императивно утверждаемого мнения, смысл которого в том, что все человеческое — слишком человеческое, а потому сентиментально-пошлое:

Книга Николаенко <...> до бесконечности сентиментальна. Тут есть растянутая на все 200 страниц любовная история, которая может довести до слез благодарности чувствительных читателей. А над тяжелой участью героя так приятно поплакать [Мильчин 2017b].

И уж совсем никуда не годится то, что «все самое интересное происходит в душе главного героя». Но в тот же день для другого ресурса тот же Мильчин пишет совсем иное — теперь за здоровье:

«Убить Бобрыкина» по-своему сильная книга. Из-за непрерывного чувства грядущего апокалипсиса, в котором живет мать Саши. Из-за густой смеси примет и суеверий, в которую погружена ее жизнь. Из-за того, что, описывая эту смесь, писательница не ударилась в антиклерикальный памфлет, а действительно сконструировала на свой лад новое средневековье. Из-за ритма, которым написана пусть не вся, но значительная часть текста. Из-за эпитетов, которые впадают в людей и явления и не отпускают их. Из-за зыбкости того пограничного мира между реальностью и наваждением, в котором разворачивается действие книги [Мильчин 2017a].

Неужели мнение бойкого, всюду успевающего критика в такой мере зависит от того места, куда он успел забежать?

Славу богу, хоть в чем-то «Букер» не провинился. Но рано обрадовались: «При чем здесь “Букер” — не очень понятно. Для таких текстов есть специальная премия, и называется она НОС» [Мильчин 2017a]. Никак бы не подумал, что премия НОС создана для чувствительных слезливых читателей, о чем см. выше. И кто ей выписал такую специализацию?

Дело, оказывается, не в том, что так уж плоха Николаенко, а в том, что никуда не годится «Букер», где вокруг его литературного секретаря Шайтанова «уже возник ореол серого кардинала, который все время пропихивает неудачные решения» [Мильчин 2017b].

Хочется извиниться перед сотней членов жюри, мимо которых за эти годы я «пропихнул» столько неудачных решений, и перед писателями-лауреатами, закоренелыми неудачниками. Подозрения и конспирологию этого сетевого вездесуйтиса следовало бы оставить без внимания, если бы проницательность в современной критике все чаще не подменялась претензией на осведомленность. Инфекция распространяется и за пределами газетно-глянцево-сетевого пространства.

...Получаю от Натальи Ивановой ее новую книгу «Такова литературная жизнь. Роман-комментарий с ненаучным приложением» [Иванова 2017]. Хроника литературных воспоминаний, за которыми следует раздел журнальных рецензий. С автором — много лет в дружеских (хотя и не всегда безоблачных) отношениях, зафиксированных дарственной надписью на новой книге: «...коллегиально — поколенчески — дружески». Читая, дохожу до обстоятельств, когда Иванова была членом буковарского жюри в 2001 году.

Тогда случился один из самых урожайных годов с исходом, неопределенным до самого конца. Основных претендентов было трое: Т. Толстая с «Кысью», Л. Улицкая с «Казусом Кукоцкого» и А. Чудаков с «Ложится мгла на старые ступени». Надо сказать, что любое произведение из «второй тройки» в другой год и при других соперниках также могло бы претендовать на победу: «Сэр» А. Наймана, «Хозяйка истории» С. Носова и «Венок на могилу ветра» А. Черчесова.

Вот такие бывали года!

В ходе первоначального обсуждения общее мнение без какой-то определенности, но все же склонялось к «Кыси». Однако накануне решающей встречи жюри (председателем был уже очень больной и вскоре умерший Ю. Давыдов) Толстая получила «Триумф», была такая премия. Несмотря же на все увещевания, что мнение буковарского жюри никак не зависит от получения других премий, все-таки властвует убеждение — больше одной премии в руки не давать. Так что спор пошел по новой, и премию получила Улицкая.

Н. Иванова, вспоминая о тех событиях, не говорит о том, за кого она голосовала, так что и я не буду раскрывать. Впрочем, едва ли человек, довольный окончательным результатом, серией намекающих реплик создал бы картину столь неприглядного закулисья:

...Я почему-то уверена, что именно ее <Улицкую> ждали спонсоры из «Открытой России»...

...именно Улицкой-то и нет, а все остальные финалисты на месте...

Наконец Игорь Шайтанов звонит ей по телефону, видимо раскрывая тайну решения жюри, — и спустя полчаса Улицкая поднимается в зал, успевая к официальному объявлению результатов [Иванова 2017: 115].

Каким образом Ивановой открылось, что я звоню Улицкой и «раскрываю тайну»?.. Поскольку все происходило в общем зале, она должна была видеть меня с мобильником в руках и точно знала, с кем и о чем? То есть ведала, что я нарушаю строжайшее правило премии — неразглашения, после чего, пойманный за мобильник, я должен был бы с позором удалиться. Для такого обвинения должны существовать очень веские основания! Но этого ничего не могло быть уже по технической причине. Описываемые события относятся к декабрю 2001 года, а я не держал в руках мобильного телефона и уклонялся от пользования им до сентября будущего 2002-го (когда в «Букере» были предписаны телефоны, чтобы существовала мобильная связь). Как в детективе — есть маленькое, но твердое алиби.

Понимаю, что память всех подводит. Так, перечисляя состав того жюри, Иванова полагает, что ее коллегой был Виталий Бабенко; нет, им был питерский издатель Вадим Назаров. Память памятью, но ее недостоверность не должна служить основанием в цепи намеков. А тут на двух страницах только этой цепочкой дело не ограничивается. Вот как излагается важный эпизод в истории «Букера»:

Премия несколько раз меняла спонсора, и в конце концов бразды правления очутились в руках правления фонда «Русский Букер», который сам себя учредил [Иванова 2017: 115].

«Который сам себя учредил» — понимаете, о чем речь? Если не о рейдерском захвате, то о самозванстве. «Сам себя» — верно в том смысле, что не представители же британской компании, давшей свое согласие на использование имени и под ним учреждения русского премиального фонда, стали бы выправлять учредительные документы. В остальном же — опять намек.

Пусть ложечки и найдутся, а осадок останется. У читателя же — твердая уверенность в осведомленности и, следовательно, надежности суждений критика-мемуариста.

Критика на грани мемуарного жанра — это предсказуемый сегодня путь даже не только для тех, кому есть что вспомнить. Повышенный градус личного присутствия, вовлеченности в обстоятельства и рассказа о них сопровождает наше переживание и прошлого, и настоящего. Достаточно посмотреть на сюжеты романов об историческом прошлом, близком и далеком. Романисты растягивают время жизни героя. Едва ли не первым и особенно наглядно это сделал М. Холмогоров в романе «Жилец» (2005), чей столетний герой, свидетель и участник XX века, умрет во время памятных событий у Белого дома. Е. Водолазкин в «Авиаторе» прибегнет к переселению героя во времени, обеспечивая ему возможность сопряжения времен в личном опыте...

Цена вовлеченности повышается и на фоне сетевого общения, «фейсбучного романа». От критика в большей мере, чем когда-либо, ожидают личного свидетельства, и он по возможности не обманывает ожиданий. Это понятно. Но в мемуарной критике есть опасность: если ловят за руку на неточности, а тем более намеренном искажении факта, то под сомнение пойдет и само критическое суждение. Ему пересташь доверять. Об этом стоит помнить, а не то попадаешься на «Гражданин, соврамши!». Название статьи Игоря Волгина [Волгин 2017] — даже не о критике-мемуаристе, а о закоренелом литературном сплетнике, взявшем на себя роль историка недавнего литературного прошлого, — вполне могло бы стать постоянной подрубрикой «Метакритики».

При сегодняшнем сближении жанров, их пограничном сосуществовании и взаимодействии *мемуары* — это одна из границ, на которых существует критика. Важная граница, где реализует себя и ожидание вовлеченности критика в литературные события, и пробудившееся желание сравнить то, что имеем, с тем, что имели. Еще не так давно этого желания не было, а было другое — изжить и забыть. *Век-*

тор памяти, развертывающий перспективу назад, ощущался куда менее важным, чем *вектор ожидания*, заставивший жить в надежде на неминуемые и скорые, уже почти осуществленные, великие свершения. В тех обстоятельствах куда важнее мемуаров был *жанр манифеста*. Критик торопился оседлать волну и на ней ворваться в будущее. Торопились, и более всего — разделаться с прошлым, оборвать связи. Манифест ведь — жанр, в равной мере утверждающий и ниспровергающий, позволяющий (беглое и точное описание жанра мне недавно попало на глаза в одном международном журнале) «мобилизовать правильно думающих *нас* против *них*, чья голова повернута куда-то не туда» (wrong-headed) [Fisk 2016: 631].

Что имеем в сухом остатке? Манифесты сегодня если и пишут, то где-то на коленке, для себя и для своих, для «своего» круга. Жанр выпал в быт, в дилетантскую среду, продемонстрировав свою нынешнюю несостоятельность в литературном пространстве. Ничего не угадали, ничего не предсказали, великого обновления литературы не произошло, изменения, ее поразившие, серьезны, но и не слишком радостны. Сегодня о тех манифестах вспоминать все равно что о прошлогоднем снеге. Авторы и герои манифестов где-то пишут, что-то мутят, но каким «воздухом» они дышат, в девяти или двадцати девяти пространствах существуют, знать не увлекательно. Оставим их покоиться в архаичной маргинальности. Не получилось и не получилось, не они первые, не они — последние. Те, кто засиделись в авангарде, обречены обнаружить себя безнадежно отставшими. Мода меняется быстро, и однажды модное (или объявленное таковым) устаревает прежде всего. Винить некого, разве поводырей и авторов манифестов, которые, впрочем, от предсказания будущего перешли к подведению итогов, подверстывая содеянное манифестами к истории литературы в дидактическом жанре учебника «Поэзия». В упорстве их менеджменту не откажешь, а обсуждение содеянного (старая претензия на новую поэзию в филологическом сопровождении, совсем уж неубедительно претендующем на новую поэтику) состоялось на сайте «Вопросов литературы» [Экспертная... 2016].

Манифест чаще всего процветает на материале поэзии. Проза, как честный трудяга, пишет и пашет, иногда, не выдержав, сбегает в пространство массовой литературы и резвится там, в случае успеха собирая хороший урожай. А поэт устремлен к вершинам, мечтает, фантазирует, если не он сам, то тот, кто при нем состоит наблюдающим, то есть критиком и автором манифестов.

Если манифесты больше не в моде, если время литературных мечтаний прервалось, то чем теперь занята критика поэзии? И есть ли она сегодня?

Стихи есть, но есть ли то, что больше стихов, что *пропадает в переводе*?

Это один из вечных вопросов: если вся критика «не отстает», то почему нет критики поэзии? По-моему, она сегодня как раз есть. Помню конец 1990-х и свои беседы с создателем и главным редактором «Ариона» А. Алехиным. Для него как для редактора поэтического журнала вопрос, есть ли критика поэзии, имел не отвлеченно диссертационное, а самое что ни на есть практическое значение. Кому заказать статью или даже рецензию? И отвечал: некому. Несколько заслуженных критиков старшего поколения писали о сверстниках и были мало заинтересованы происходящим, его именами и событиями. А молодые писали манифесты, то есть каждый видел то, что вокруг себя, если и расширяя кругозор, то чтобы отвергнуть соседнюю группу. Были, правда, и координаторы пространств, но их критика не опускалась до понимания текста, она оперировала тенденциями.

А необходимость критики была насущной необходимостью для журнала, заявившего о себе как об издании хотя и поэтическом, но предназначенном для читателя. Вернуть внекружкового и внегруппового читателя к стихам — прекрасное намерение, однако очень скоро обнаружилось, что к стихам требуется критическое сопровождение, чтобы завязать вокруг них разговор, способный заинтересовать читателя. И скоро такое поколение критиков поэзии появилось. В основном через Форум молодых писателей в Липках, где на критическом семинаре «Вопросов литературы» встретились те, кто хотели пи-

сать критику, отчасти уже писали ее, но чаще были привлечены из соседних областей — из филологии или из поэзии. Теперь они известны. Начавшие на страницах «Вопросов литературы» и «Ариона», они печатаются широко. Назову в алфавитном порядке несколько имен:

Евгений Абдуллаев — он не из Липок, а из Ташкента — из поэзии, филологии и прозы;

Владимир Козлов — филолог и поэт, теперь издатель своего журнала поэзии — «Prosodia» в Ростове-на-Дону;

Евгений Коновалов (Ярославль) — из физики в лирику, в поэзию, потом зашел на липкинский семинар критики и остался; теперь один из самых острых и заметных критиков поэзии (читайте его последнюю статью в «Арионе», 2017, № 3);

Елена Погорелая — филолог и поэт, пришла на семинар «Вопросов литературы» и осталась в журнале заведовать современным отделом;

первоклассные филологи (и тоже — поэты) из Казани — Алексей Саломатин (очень острый) и Артем Скворцов (очень знающий и основательный)...

Не стремлюсь к полноте списка, но, кажется, достаточно.

Однако мнение, что критики у нас нет, продолжает звучать. Оно меняет лишь временной модус: по-прежнему нет, еще нет или скоро не будет. Под знаком «скоро не будет» написала свой «Переучет» в «Знамени» (2017, № 12) Инна Булкина. Хотя начала она с критика по преимуществу прозы — с Галины Юзефович («...рекомендательные списки слывят теперь за критику, и неутомимый составитель всех этих упоительных списков — Галина Юзефович» [Булкина 2017: 199]), но в основном задержалась на поэтической критике, опустив ее до «школьного сочинения».

Хотя я выше и сказал уже о том, что с поэтической критикой у нас сегодня дело обстоит на редкость разнообразно и интересно, но у поэтической критики, если она хочет погрузиться в современность и в литпроцесс (а, кажется, в нежелании это сделать и состоит главный упрек Булкиной: «...критика уходит — она исчезает как рефлексия на процесс» [Булкина 2017: 200]), действительно, есть одно немалое затруднение. Критик — человек зависи-

мый. Как писать критику того, чего нет? И отсюда — вопрос к самой поэзии, насколько состоятельна она, насколько дает повод для серьезного разговора?..

Раз Булкина засомневалась на страницах «Знамени», то проверим на основании этого журнала соотношение критики (мне всегда казалось, что в «Знамени»-то критика есть, но вот Булкина заставила усомниться) и поэзии. Возьмем последний номер — 2018, № 1. В нем много поэзии. Я бы сказал — разной, на все вкусы. Есть ли что-либо на мой? Во всяком случае, не то, чем открывается журнал, — большая подборка Михаила Айзенберга «Но посмотри на муравьев». Ну, муравьи так муравьи. Роберт Бернс когда-то договорился до мышей. Не в размере живых существ дело, а в том, что стихи Айзенберга мне никогда не казались одушевленными.

Я в курсе, что позволяю себе высказываться о современном... все-таки не классике, но мэтре, воспитателе молодежи, строгом судии дел поэтических. Айзенберг, наверное, умный судия, но это не меняет моего отношения к его стихам. Сейчас же статья не о поэзии, а о критике, но не могу удержаться от того, чтобы не сказать о все более отчетливой современной тенденции — к *минимализму*. В моду вошли стихи в 8—12—16 строк. Не более. Нет, есть и те, кто пишут с эпическим размахом, который, надо сказать, ощущается и в малой форме: пишут короткие стихи и печатают их длинными подборками.

Короткие стихи — из боязни лирического разбега (хотя пора бы уже переболеть этим страхом — уверен, что обновление на пути освобождения от этой фобии). У меня ощущение, что сегодня всех виновней не Иосиф Александрович, отвративший от лирики (хотя сам и оставил одну из лучших лирических книг XX века — «Новые стансы к Августе»), а Владислав Фелицианович. Ощущается его искушение — малой формой, сдержанно и едко остроумной, с концовками то ли эпиграмматическими, то ли детективными: «Триста лет уж вам не спится — / Мне лет шесть не спится тоже».

А какой звук, который, увы, так упорно искажают современные издания, обнаруживая нашу глухоту! Ведь во всех редакциях у Ходасевича не «леди», а «лэди». Так то-

гда произносили, и на это произношение настроен звук (не хочется звук семантизировать — самое опасное предприятие, — но какая зловещая нота):

Лэди долго руки мыла,
Лэди крепко руки терла.
Эта лэди не забыла
Окровавленного горла...

Стихи, запоминающиеся сразу и навсегда. Грех и глупость корить кого-либо, приводя в пример гения. Но прежде чем за ним следовать, хорошо бы одуматься. Мой совет современным миниатюристам — держите на столе томик Ходасевича и прежде, чем отсылать длинный список коротких стихов в редакцию, перечтите и оставьте из него (максимум!) десятую часть. Быть может, разовьется столь редкая сегодня привычка к концентрации текста, а значит — мысли и чувства.

Айзенберг дает повод — поговорить о поэтическом пространстве, тяготеющем к тому, чтобы сжиматься, — видимо, в надежде, что на это пространство достоинств достанет. Но сравните муравьино-едкое остроумие Ходасевича («посмотрите на муравьев») с концовками, как они получаются у вас, — с не спасательными в данном случае вялыми аллюзиями: «Думали, что время как река. / Все не так, не верьте никому» или «И наше небо, небо над Москвой / еще узнает, что оно в алмазах». Можно ли по этим анемичным строчкам узнать руку мэтра (готовящегося в «Поэты»)? Так и хочется по-честному спросить в «Знамени», ведь там люди опытные и понимающие: если бы вам прислали нечто подобное, не осененное именем Айзенберга, то ведь не напечатали бы, отбросили?

Тема для поэтической критики не маргинальная, а основная — о сжатии формы, которое не уменьшает потока текстов. О соотношении количества и качества. В том же номере «Знамени» есть и еще один материал для этого разговора: «Стихи из тетради № 41» (1975 — апрель 1977) Б. Слуцкого (публикация и подготовка текста А. Крамаренко).

Невольно вспоминается конец 1980-х, в каждом журнале за год — хоть одна подборка стихов из архива Слуцкого (сборники тоже выходили — трудами Юрия Болды-

рева). Архив не исчерпан, стихи остаются. Как же не печатать их? Повторится ли очарование, когда к имени Слуцкого начали все более уверенной рукой дописывать эпитет — «великий»? Подборка, я бы сказал, хорошая, узнаваемая, слущкая. Прекрасно, что появилась, но повод обсудить есть. Едва ли что-то из нее попало бы в небольшой избранный сборник «Самые мои стихи».

Еще раз повторю, что веду сейчас речь не о поэзии, а о критике, о том — есть ли она, есть ли для нее повод и возможность? И читая номер журнала, с каждой подборкой говорю — есть. Вот два поэта — Михаил Кукин и Константин Радаев. Оба время от времени печатаются, не входя в обоймы. Помню обоих почти 30 лет назад студентами Московского пединститута. Умные, читающие стихи (а не только их пишущие), слышащие слово, пишущие потому, что, вероятно, это душевная потребность. Когда вижу их стихи, читаю — без потрясения, но с интересом. Сама судьба этих и таких, как они, людей в поэзии, но вне тусовки, вне бурных литературных событий прошедших десятилетий — литературное явление для критика, требующее осмысления. Наши «второстепенные поэты», если вспомнить Некрасова... Или — «незамеченное поколение», по другой аналогии. Я бы сказал, что имею в виду и ни то, и ни другое, но судьбу поэзии, которую пишут и читают, которая определяет вкус вне манифестов и шума на ее поверхности. Там, на глубине, поэзии больше и ее бытование важнее, чем в любой громкой заявке, вознесенной на «воздух».

И теперь — что же на этом разнообразном фоне предлагает поэтическая критика в «Знамени»? Я имею в виду именно современность, а не материал о Мандельштаме. Рецензия Марины Симаковой на сборник Кирилла Корчагина «Все вещи мира» (М.: НЛО, 2017).

Эта рецензия наводит на мысль о сегодняшнем перераспределении речевых функций между поэзией и критикой: по мере того как поэзия все более становится «прозой в стихах» («...Приходит в мысль: что, если это проза, да и дурная?»), критическая проза перехватывает инициативу пафоса, изощренного стиля и проч. Вот фраза, открывающая рецензию:

«Все вещи мира» — вторая книга Корчагина, в которой продолжается напряженная работа по прорисовке линий сборки поэтического субъекта, а точнее — сочинение его открытого кода, прослеживание процесса его становления-разрушения. Поэзия Корчагина, вообще говоря, все время подчинена одной задаче: разрешить напряжение, возникающее между текучестью материи и твердостью понятия, преодолеть мучительную невозможность тождества человека и мира [Симакова 2017: 222].

Прочтя эту фразу, думаешь: а ведь права Булкина, рядом с таким полетом стиля любая критика, написанная человеческим языком, покажется «школьным сочинением». Полет стиля чудной Марины Симаковой будет длиться недолго, лишь до первой приведенной цитаты из вдохновившего ее текста. Основная трудность критики поэзии — процитировать то, что хотелось бы похвалить и вознести:

если в грязи рассвета найдется
кристалл что оживит наши флаги
то через два года взорвется солнце
и осколки его запекшиеся будем
искать мы среди темного шлака
и нефтяной золы

И о чем говорить, когда не о чем говорить? Но Симакову не так легко сбить с тональности, она вновь бросает спасительный круг концепции:

Корчагин в этом цикле разворачивает читателя к вещам, где вещью может оказаться и море, и городская пыль, и пена на губах измученного существа. Каждая вещь — лишь хрупкая форма вещного, метафора укрошенного вещества [Симакова 2017: 223].

Надо сказать, что Симакова не изобретатель критического приема. Это общее место, топос современного критического текста. Цитируется что-то бытовое, сниженное в цвет шлака и нефтяной золы, а потом нас убеждают, что это и есть современная поэтическая метафизика. Но разве не Ахматовой сказано и всеми повторено: «Когда б вы

знали, из какого сора...»? Есть одно большое различие. У Ахматовой «растут стихи», но в современном обиходе функции перераспределились: поэт разбрасывает сор, а идущий вслед ему критик уверяет, что выросли стихи. Так как же говорить, что критики нет? Она-то и есть, чтобы своими красивыми словами и концептуальной терминологией не просто отрефлексировать процесс, но создать его, выступая в роли не учителя, а иллюзиониста.

Не все критики работают именно этим приемом, но многие (особенно те, что сохраняют верность жанру манифеста). А недавно я прочитал статью, обосновывающую такой метод как наиболее адекватный, продиктованный современной поэзией, где быт — повод для метафизики, а снижение — способ набирания высоты: «Русская метафизическая поэзия. Новый взгляд» Сергея Баталова («Арион», 2017, № 4).

Не могу пройти мимо, тем более что «новый взгляд» Баталова высказан как поправка к моему «старому взгляду», неоднократно сформулированному лет двадцать тому назад. Первые две страницы у Баталова — цитаты или пересказ моего текста о Донне и Бродском [Шайтанов 1998]. Это несколько странно, если учесть, что «новый взгляд» направлен на современную поэзию, а мой «старый» берется лишь в отношении английской «метафизической» модели и ее интерпретации Бродским. Это тем более странно, что концепцию поэтической метафизики я неоднократно примеривал к современной русской поэзии на страницах того же «Ариона» — см., например: [Шайтанов 2000; Шайтанов 2002]. Но тут я даже не могу сказать, что желание облегчить себе полемическую задачу — принимая во внимание у оппонента только то, что «старо» или неправильно, — это прием современной критики. Увы, любой критики, и не только литературной.

Но что по сути? Мою точку зрения в отношении «старой» «метафизики» Баталов излагает в основном в цитатах, поэтому справедливо. Хотя как только пытается сделать шаг в сторону, то ошибается:

Рискну предположить, что само появление английской «метафизической школы» стало возможным только потому,

что она зародилась и существовала в рамках протестантской культуры, понимавшей религию как личные взаимоотношения человека и Бога. Соответственно, и противопоставление «высокого» и «низкого» языка было не столь радикальным, как в русской культуре. Конечно, для российской ментальности подобный подход был малопонятен [Баталов 2017: 16].

Ответственность протестантской культуры за «метафизику» — неверное предположение. Среди метафизиков были убежденные протестанты (Джордж Герберт), но Донн, хотя и принял вынужденно сан в англиканской церкви, никогда не забывал семейного католического воспитания (еще бы — ведь его предком по матери был католический мученик Томас Мор). Что уж говорить об аналогичных испанских поэтах. Противопоставление высокого и низкого, точнее — плотского и духовного, как раз было весьма радикальным, и преодоленная трудность этого разрыва между телом и духом оказалась для Донна основным поэтическим нервом.

Вот по этому поводу и формулирует Баталов «новый взгляд» на современную поэзию:

В последние годы на страницах литературных журналов стали появляться стихи, словно бы родственные друг другу. Это небольшие — в четыре-пять строф — стихотворения, исполненные в традиционной силлаботонической форме, с предельно прозрачным смыслом, с обилием подчеркнуто бытовых реалий и некоторой недоговоренностью в завершении [Баталов 2017: 17–18].

Об этом современном явлении я писал на страницах «Ариона» как о тенденции, поддержанной журналом и не вызывающей у меня большого восторга, в связи с двадцатилетним юбилеем журнала [Шайтанов 2014]. Я вспоминаю о своих статьях не для того, чтобы восстановить свое право первенства, но чтобы прояснить — с чем спорит Баталов: не только со «старым взглядом» на «метафизику», но — и это главное — с оценкой в свете «метафизики» одной из важных поэтических тенденций. Для него поэтический минимализм — ключик, открывающий сегодня дверь в поэзию:

Ключик нашелся там, где не искали, — в самой обыденной, повседневной жизни, в быте, в казалось бы до боли изученном окружающем пространстве. И оказалось, что эта обыденная, давно наскучившая нам реальность способна рассказать о невидимой стороне мироздания не меньше, чем самые громкие слова «высокого штиля» [Баталов 2017: 18].

Когда мне предлагают очередной литературный «ключик», у меня тут же возникает подозрение, что мне подсовывают отмычку. Опасение, как правило, оправдывается. Но об этом, собственно, я уже сказал выше: см. пассаж в связи с Айзенбергом и затянутостью коротких текстов...

Конечно, не все они затянуты бытом, не все побеждены притяжением земного сора. Есть и такие, которым покорила метафизическая высота. Как у Олега Чухонцева в одном (и многих других!) из его коротких текстов — о завораживающей краткости, к которой торопит желание «без слов сказаться» (как когда-то признавался другой мастер короткого стиха):

Короче, еще короче!
Четыре, ну восемь строк
от силы...
навылет и поперек
всему и сквозь все, а лица —
размноженный негатив:
туринская плащаница
на каждом, на всех, кто жив.

По-разговорному торопливо, энергично и кратко, чтобы успеть — необходимое, но без лишнего, без метафизической претензии и вялой болтовни, которая равно ощущалась бы таковой в объеме и восьми строк, и сорока восьми, сколько бы их ни было... Но в малом жанре ощущается как конструктивное нарушение против фамильного сходства с ближайшим родичем — эпитафией, где юмор — свойство факультативное, а остроумие, то есть моментальное сближение далековатого (лица — негатив — плащаница), — обязательное, родовое.

На этом, собственно, — занавес... Хотя еще два слова — не о стихах, а о критике и о возобновленной рубрике.

Пусть она будет поводом продолжить споры, старые и новые, проясняя — о чем спорим и как это делаем. А критика... Пока она есть, но если не будет толстых журналов, то ее выживание окажется делом куда более трудным. Хотя я уверен, что и тогда она будет, поскольку способность критического суждения — неизменная потребность творческого, а не только литературного процесса.

Литература

Баталов Сергей. Русская метафизическая поэзия. Новый взгляд // Арион. 2017. № 4. С. 14–22.

Булкина Инна. Уходящая натура // Знамя. 2017. № 12. С. 198–202.

Волгин Игорь. «Гражданин, соврамши!» Ответ диванным критикам // Литературная газета. 2017. 30 августа.

Иванова Наталья. Такова литературная жизнь. М.: Б. С. Г. ПРЕСС, 2017.

Мильчин Константин. Саша и Танюша против афедрона // Горький. 2017а. 6 декабря. URL: <https://gorky.media/context/sasha-i-tanyusha-protiv-afedrona/> (дата обращения: 10.12.2017).

Мильчин Константин. «Убить Бобрыкина»: за что книга получила главную российскую премию года // ТАСС. 2017b. 6 декабря. URL: <http://tass.ru/opinions/4788038> (дата обращения: 10.12.2017).

Симакова Марина. Рец. на: Кирилл Корчагин. Все вещи мира // Знамя. 2017. № 1. С. 222–225.

Шайтанов Игорь. Уравнение с двумя неизвестными: Поэты-метафизики Джон Донн и Иосиф Бродский // Вопросы литературы. 1998. № 6. С. 3–39.

Шайтанов Игорь. Метафизики и лирики // Арион. 2000. № 4. С. 16–32.

Шайтанов Игорь. Подмалевок // Арион. 2002. № 3. С. 15–23.

Шайтанов Игорь. «Пускай уж лучше лошади...»? // Арион. 2014. № 4. С. 17–26.

Экспертная оценка // Вопросы литературы. Выпуск 4 (2016-2). URL: <http://voplit.ru/main/index.php/main?p=is&y=2016&s=4&n=2> (дата обращения: 10.12.2017).

Fisk, Gloria <Review> // Comparative Literature Studies. 2016. Vol. 53. № 3. P. 631.

References

Batalov, S. (2017). Russian metaphysical poetry. A new look. *Arion*, 4, pp. 14-22. (In Russ.)

Bulkina, I. (2017). The end of an era. *Znamya*, 12, pp. 198-202. (In Russ.)

Expert assessment. (2016). *Voprosy Literatury*, [online] special issue 4. Available at: <http://voplit.ru/main/index.php/main?p=is&y=2016&s=4&n=2> [Accessed 10 Dec. 2017]. (In Russ.)

Fisk, G. (2016). [Review]. *Comparative Literature Studies*, 53(3), p. 631.

Ivanova, N. (2017). *Such is literary life*. Moscow: B.S.G. PRESS. (In Russ.)

Milchin, K. (2017a). 'To Kill Bobrykin': Why the book received the main Russian award of the year. *TASS*, [online] 6 Dec. Available at: <http://tass.ru/opinions/4788038> [Accessed 10 Dec. 2017]. (In Russ.)

Milchin, K. (2017b). Sasha and Tanyusha against aphedron. *Gorky*, [online] 6 Dec. Available at: <https://gorky.media/context/sasha-i-tanyusha-protiv-afedrona/> [Accessed 10 Dec. 2017]. (In Russ.)

Shaytanov, I. (1998). Equation with two indeterminates: Poets-metaphysics John Donne and Joseph Brodsky. *Voprosy Literatury*, 6, pp. 3-39. (In Russ.)

Shaytanov, I. (2000). Metaphysics and lyrists. *Arion*, 4, pp. 16-32. (In Russ.)

Shaytanov, I. (2002). Underpainting. *Arion*, 3, pp. 15-23. (In Russ.)

Shaytanov, I. (2014). 'Thank goodness it's just a horse?'. *Arion*, 4, pp. 17-26. (In Russ.)

Simakova, M. (2017). Review on: Kirill Korchagin. All the things of the world. *Znamya*, 1, pp. 222-225. (In Russ.)

Volgin, I. (2017). 'Citizen, you done lied!' Reply to the armchair critics. *Literaturnaya Gazeta*, 30 Aug. (In Russ.)

Metacriticism: Relaunching the journal's column

DOI: 10.31425/0042-8795-2018-4-90-110

Igor O. Shaytanov

Doctor of Philology

Russian State University for the Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

(6 Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russia; email: voplit@mail.ru)

Abstract: The article examines the versatile depiction of problems by contemporary literary criticism and the diversity of its genres and styles. Given the current convergence of genres and their mutual penetration, there are several borderline traditions where contemporary critics find themselves working: one is memoirs, playing into the critics' desire to feel involved in literary events and their itch to compare 'what we have' with 'what once was'; another is the Facebook-inspired genre of 'prompt response'; yet another comprises all kinds of reviews and 'recommended reading lists'. It is hard to miss the fact that the very forms of critique have changed dramatically, and that critics are more than ever influenced by a whole number of extratextual factors, be it in prose, poetry, or during distribution of literary prizes. A need arises to take a close look at the achievements and prospects of literary criticism in the 2000s–2010s, and to come up with a new perspective for interpretation of modern critique: which is exactly the purpose of the new column *Metacriticism* in *Voprosy Literaturny*, introduced by this article.

Keywords: contemporary literary criticism, metacriticism, literary prizes, polemics, manifesto.

The article was received on 2 Mar. 2018.